

Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX -- начала XX века.
М., "Художественная литература", 1977

OCR Бычков М. Н.

{* Впервые опубликовано в газете "День", 1913, No 201.}

Острое, как язык пламени, желтое знамя весело развевается над выставочным зданием на улице ВоЙtie. В окрестностях развешаны большие желтые афиши с изображением чего-то, напоминающего как будто человека, страдающего так называемой слоновой болезнью.

Все это говорит вам о выставке произведений "знаменитого" скульптора-футуриста Боччони, устроенной отцом всех футуристов -- скульптурного, живописного, музыкального и поэтического -- неугомонным и неукротимым синьором Маринетти.

В широковещательном предисловии к каталогу и сопровождающем его манифесте скульпторов-футуристов сказано, что Боччони хочет обновить погрязшую в подражании устарелым образцам скульптуру путем целого ряда самых головокружительных новостей.

Все, кого профаны склонны были считать новаторами,-- Менье и Роден, Россо и Бурдель,-- посыпаются солью и перцем и отметаются.

Отныне скульптура будет одновременно употреблять все материалы: гипс и ткани, дерево, железо, стекло и человеческие волосы.

Отныне она не только будет стремиться изобразить предметы в движении, но даже само движение в его художественном овеществлении.

Практически все эти прекрасные обещания приводят к скульптуре, над которой можно смеяться, а можно, пожалуй, и плакать, потому что здесь все-таки чувствуется тень какой-то мысли, какая-то работа, устремленная в том направлении, в котором старалась идти вся "динамическая" скульптура последних лет.

С наивностью на безобразия кубизма, с его единовременным изображением вещей с разных фасов в одной плоскости (и для чего это в скульптуре?) нагромождены новые безобразия: на плечах у суммарно намеченных фигур вы видите раму со стеклом, дворы, стены, здания в хаотическом смешении, свет в виде потоков, словно из разбитых яиц. Наконец, изображение движения сводится к материализации нескольких последовательных моментов его, что придает произведениям Боччони вид невероятно тяжкий, одутловатый и тягостно отталкивающий.

Никогда не видел я фигур менее похожих на наши восприятия. А ведь Боччони мнит себя ультрареалистом. Никогда не видел я статуй более неподвижных, словно погрязших в какой-то расплывающейся, как тесто, материи. А ведь это ультрадинамическая скульптура!

Пусть не говорят, что это пока попытки. Может быть, скульптура и станет когда-нибудь динамичной в большей мере, чем у Родена или Медардо Россо, избегнув вместе с тем тех недостатков, какие, несомненно, налицо в произведениях первого и особенно второго, но в этом постепенном завоевании динамики статичнейшим из искусств приемы и результаты Боччони могут быть полезны разве как указание, чего не следует делать.

В том же выставочном помещении имел место реферат самого Маринетти, посвященный защите футуризма вообще и последней его выдумке -- "беспроволочной поэзии", в частности.

На реферат собралось относительно много, преимущественно итальянской и вообще не французской публики.

Маринетти, похожий на какого-то индустриализованного д'Аннунцио, является окруженный штабом "верных". Недаром на днях интересный футурист Северини заговорил об "эскадронах официального футуризма"! Среди публики есть, как это сразу заметно, несколько "психопаток"-маринеттисток. Остальная публика настроена весело и намерена позабавиться.

Свой реферат Маринетти читает с величайшим азартом и жаром. Его итало-африканская кровь сразу загорается. Но если нельзя не заметить в его горячечных жестах и убежденности его тона известного апостольского рвения,-- то много в нем также размахистости расходившегося купчика, который, излагая доморощенные мысли, терпеть не может возражений.

Маринетти никак не дает окончить своим оппонентам, он ругается и даже рвется на них, так что свите приходится его удерживать.